

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ПРАКТИКА, ПОЛИТИКА, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЗАПАД — ВОСТОК: СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

(27 февраля 2018 г., Государственный Российский Дом народного творчества
имени В. Д. Поленова)

27 февраля 2018 г. в Государственном Российском Доме народного творчества имени В. Д. Поленова состоялся круглый стол «Запад — Восток: стратегии сохранения нематериального культурного наследия». Сохранение и возрождение народного традиционного искусства и фольклора — приоритетная область деятельности внутренней политики нашего государства, которая направлена на поддержание культурного разнообразия и самобытности народов России. Схожие задачи ставятся и решаются и в других странах, в частности, через реализацию Концепции нематериального культурного наследия, предложенной в начале XXI в. ЮНЕСКО.

*Приглашенные эксперты: профессор **Лю Куйли**, академик Академии социальных наук КНР, вице-председатель Государственной комиссии по работе с нематериальным культурным наследием Министерства культуры КНР; и **М. Е. Кабицкий**, кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ.*

*В работе круглого стола приняли участие: **А. В. Черных**, чл.-корр. РАН, доктор исторических наук, заведующий сектором этнологических исследований отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН; **О. А. Пашина**, доктор искусствоведения, научный секретарь Государственного института искусствознания; **Л. В. Фадеева**, кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора и народного искусства Государственного института искусствознания; а также руководство и сотрудники ГРДНТ им. В. Д. Поленова: **М. В. Русанова**, заместитель директора; **В. Е. Добровольская**, кандидат филологических наук, заведующая сектором нематериального культурного наследия Центра культуры народов России; **Е. А. Дорохова**, канд. искусствоведения, заведующая сектором исследования и сохранения архивных фондов; **Н. Е. Котельникова**, кандидат филологических наук, заместитель главного редактора научного альманаха «Традиционная культура»; **Н. К. Бронникова**, ответственный секретарь научного альманаха «Традиционная культура».*

*Модератор: **В. Л. Кляус**, доктор филологических наук, главный редактор научного альманаха «Традиционная культура», заведующий отделом фольклора ИМЛИ РАН, профессор Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ.*

В. Л. Кляус: Дорогие друзья, я очень рад, что мы сегодня собрались в ГДРНТ им. Поленова. Задача нашего круглого стола — еще раз поговорить о нематериальном культурном наследии. Причем не о том, какая практика по работе с ним существует в России, — все,

кто присутствует за этим столом, так или иначе, с разной степенью погружения связаны с данной проблематикой, — а о зарубежном опыте.

Для участия в круглом столе мы пригласили двух экспертов: академика Академии

социальных наук КНР, профессора Лю Куйли, который является вице-председателем Государственного совета по нематериальному культурному наследию Министерства культуры Китая, и Михаила Евгеньевича Кабицкого, специалиста по португальскому и испанскому языкам, культуре народов Латинской Америки и Западной Европы, который в последние годы занимается вопросами нематериального культурного наследия этих регионов мира.

Особенность положения России состоит в том, что у нас до сих пор не ратифицирована соответствующая Конвенция ЮНЕСКО, и будет ли это сделано, мы не знаем. Но думаю, все со мной согласятся — важно знакомиться с зарубежным опытом, с опытом тех стран, где конвенция принята и ведется большая работа с нематериальным культурным наследием. Пожалуйста, профессор, вам слово.

Лю Куйли: Собрание фольклора и народных обычаев в Китае имеет довольно длительную историю. До 2000 г. термин «нематериальное культурное наследие» у нас не использовался и многим казался странным, хотя я еще в то время доказывал: именно он лучше всего соответствует смыслу того, когда мы говорим о традиционной культуре. Ну а в 2003 г. термин вошел в китайскую лексику после принятия Конвенции ЮНЕСКО о нематериальном культурном наследии. Первым китайским объектом в списке ЮНЕСКО в 2001 г. стал *кунъюй*, традиционный оперный театр, уже умирающий. Но даже после того, как было объявлено о его включении в список, только отдельные работники культуры знали об этом событии — не было в Китае почти никакой реакции, даже в прессе об этом писали очень мало. В то же время включение в список японского традиционного театра *но* стало праздником для всей Японии. Но в 2003 г. уже во всем Китае знали о том, что включение в список ЮНЕСКО — это большое событие, имеющее значение для сохранения традиций. И началось движение по сохранению нематериально культурного наследия. Конечно, эта работа вызвала большой интерес у всех, и с того времени китайцы очень активно участвуют в работе ЮНЕСКО.

В третий раз, когда нужно было подавать заявки, в 2004 г., произошла интересная история. Будто бы кто-то из Парижа подсказал нашему министерству, что Индия хочет подавать около 30 заявок с объектами. В ночной час меня вызвали в министерство

на заседание, и одна из присутствовавших там сотрудниц заявила: «Нам нужно подать хотя бы на одну-две больше!» Но оказалось, что Индия в тот раз выдвинула только три объекта, а Китай — больше трех десятков. И поэтому получилось, что в тот раз одновременно в список было включено, кажется, более 20 китайских объектов. До этого, по правилам, от одной страны каждые два года проходил только один объект, но шли дискуссии о том, справедливо ли это? Потому что некоторые страны, к примеру Китай, имеют большое население. Потом есть страны, у которых тысячелетняя история, а есть те, которые появились на наших глазах. Вот решили попробовать принять от Китая больше. Но после этого работники ЮНЕСКО сказали: «Мы не выдержим!» И опять перешли на прежние правила работы.

В 2011 г. состоялось Всекитайское собрание народных представителей. Это высший орган по учреждению законов в нашей стране. И был утвержден закон об охране народного культурного наследия. Я недоволен тем, что закон не совсем соответствует Конвенции ЮНЕСКО, скажем, по терминологии и разделению разных пунктов, но это уже другой разговор.

В Китае мы понимаем, что есть традиции, которые существуют, они живые и так или иначе передаются из поколения в поколение, от человека к человеку. Но есть традиции уже неживые, про которые только можно сказать — они существовали когда-то. Ведь раньше было намного больше праздников, сейчас их остались только десятки, и многие сохраняются только как памятники. Некоторые обычаи уходят в прошлое — это неизбежно. Вот когда-то в Китае в каждом доме висело что-то типа лубка с богом очага. Как домовый, но не совсем, потому что он хороший, и в его задачи входило докладывать Небу, что эта семья делала хорошего, что плохого. Каждый год 23 декабря покупали новый лубок и сжигали старый. А теперь канцелярии для этого бога уже нет — очага нет! Сейчас уже на электричестве готовят, клеить лубок некуда. Может быть, где-нибудь в захолустном селе еще и можно клеить, но уже никто массово их не печатает. Обычай как народный исчезает, но уходит не совсем, превращается в предания и в историю о прошлом. Включаются ли эти памятники в понятие нематериального культурного наследия? Нет. Они связаны с народной культурой, традиционной

культурой, но мы работаем *только с живым*, с тем, что есть сейчас в быту.

В Китае на данный момент существуют три списка объектов нематериального культурного наследия, которые находятся под охраной государства. В первый входят сами объекты, например, народный эпос, народные танцы, песни. Мы разделяем их на десять категорий. И по каждой категории есть определенная группа специалистов, которые обсуждают и определяют круг объектов для сохранения. Второй список — это носители конкретного наследия, скажем, мастера вышивки, музыканты и т.д. В третий список входят районы культурной экологии. Зачем он нужен? Если говорить о ЮНЕСКО, то здесь вообще не обращают внимания, во-первых, на конкретных носителей и, во-вторых, на экологию, то есть на среду бытования тех или иных объектов. В Китае же я много раз настаивал именно на двух последних списках — носители и регионы, чтобы в целом была создана хорошая атмосфера для сохранения тех или иных объектов.

Сейчас у нас введена четырехступенчатая система списков нематериального культурного наследия. Есть уездные списки — объектов, носителей, районов. После уездных — городские, потом — провинциальные, и последние — государственные, то есть всекитайские. ЮНЕСКО — это отдельно, они могут не взять то, что вы предлагаете, и, как я уже говорил, рассматривают только один объект за два года.

На государственном, всекитайском уровне сейчас в список внесено 1372 объекта. Понятно, что на региональном уровне — еще больше, а на уездном уровне — больше 60 тысяч. Включение в тот или иной список происходит поступенчато. Сперва объект должен войти в уездный список, потом может попасть в городской, далее — в провинциальный и выше. Кто принимает решение, что данный объект — государственный? У нас есть комиссия, в которую входят девять человек из десяти разных отраслей. Я в ней работаю как заместитель председателя.

В список носителей традиций включено 3099 человек. Каждый из них, во-первых, получает финансовую поддержку, а во-вторых, приобретает престиж, более высокий статус в обществе. Обычно определяется место, где он может работать. Скажем, я знаю одного старика, у него была очень маленькая мастерская. Он спросил: нельзя ли улучшить

условия работы? И ему помогли. Включение человека в список носителей также определяет его обязанности: он должен тщательно сохранять то, что умеет. Конечно, он может развивать традицию. Например, вышивка. При вышивании мастер может менять рисунок, а способ вышивки — нет. И машинкой пользоваться уже нельзя. То есть охраняется не памятник, а живая традиция. Сами по себе памятники — это материя, а работа, техника — это не материя. Еще один важный момент: мастера, входящие в список, в обязательном порядке должны иметь учеников, чтобы передавать свои знания и опыт новым поколениям. Это обязательно! Если кто-то не будет принимать учеников, передавать им свое искусство, умение, то он может быть из этого списка исключен. Будут ли ученики этого носителя внесены в список со временем? Иногда бывает так, что человек до того старый, что уже работать не может. Он предлагает своего ученика вместо себя, и мы его признаем носителем, но также, конечно, после обсуждения.

Каждый год у нас выделяется несколько миллиардов юаней на охрану нематериального искусства из этих списков. Вот опять пример с вышивкой. Сейчас много работают машинами, и раньше, скажем, правительство, местное руководство заказывали именно машинную вышивку, потому что она дешевая, красивая и легко делается по требованию. А теперь нет, государство, местные администрации должны заказывать работы, сделанные вручную.

На список мастеров, носителей нематериального наследия, можно смотреть двояко. Можно смотреть как на титул — «славный, заслуженный». Это один подход. А есть и другой — я даю обещание, что я буду тщательно охранять наследие своих предков, своих учителей, я беру на себя определенные обязательства. Список, составленный по этому критерию, я думаю, получится более правильным.

Я приложил довольно много сил для создания списков носителей нематериального культурного наследия, мастеров регионов, и охраны культурной экологии — везде разъезжаю и говорю, что все должно быть сделано как следует, не для галочки. Довольно много недобросовестных людей. Особенно если они ориентируются только на ЮНЕСКО — там забывают о конкретной среде бытования, а это очень важно для плодотворного, эффективного сохранения той или иной традиции.

Л. В. Фадеева: Безусловно, важно сохранить среду бытования, если это возможно. Потому что в ряде случаев — у нас это, например, часто встречается — этому противостоит промышленность, которая, придя на земли традиционного обитания каких-либо народов, уже меняет среду. Любой вообще прогресс — мы не можем консервной банкой накрыть это место, — любой прогресс, который приходит в среду, он уже ее меняет. Необязательно для этого что-то уничтожить, достаточно провести Интернет, телефонную связь, электричество. В глухую деревню все это принесли, и среда уже поменялась! Но разве возможно туда не повести электричество или Интернет?

В. Е. Добровольская: Например, Свяжск — охранные территории. И из-за этого люди там не могут повесить антенны, нормально провести Интернет, что-то сделать с электричеством — провода не могут поверху пустить, под землей это дорого, можно, но дорого. В результате численность населения резко упала, и так небольшая была, а теперь упала, потому что понятно, что молодые люди не хотят жить без телевизора и Интернета, они хотят жить нормально. А Свяжск признан охранной зоной.

Л. В. Фадеева: Вот вы сказали, что исчезает часть праздников, они исчезают в том числе и потому, что изменяется среда. И тут ничего невозможно сделать, нельзя же искусственно сохранить праздник, если он ушел из жизни!

Лю Куйли: Это совершенно верно. Я говорю то же самое: неважно, будет та или иная традиция развиваться в будущем, самое главное, чтобы было внимательное отношение к ней сегодня. А если тот или иной объект ушел, стал историей, пожалуйста, он не должен мешать прогрессу всей жизни. Традиция — это не такой постоянный недвижимый слой культуры. Скажем, у нас был праздник — 5 мая по лунному календарю. По китайской философии инь — женское начало, ян — мужское. Считается, что как раз в это майское время мужское начало снижается, а женское начинает вырастать. И как раз на стыке борьбы этих начал мы должны что-то делать, поэтому установили такой праздник. Малышам в эти дни нужно вешать на одежду красную наклейку. А потом еще пятицветные нитки. И еще нужно ставить растение определенное и т.д. Все это делается, чтобы мы мирно, хорошо перешли этот рубеж. Существует такая легенда:

мол, был такой чиновник, он был своему государю предан, а тот не слушал его. И он убил самого себя, кинулся в реку. А есть еще другая легенда, ее рассказывают на юге: девушка искала своего отца, он потерялся во время исполнения ритуала богу моря. Она искала, нашла его труп в реке, вытащила, но сама тоже умерла. И, вспоминая эту легенду, мы в определенный день едим лепешки, сделанные из риса, — наверное, вы знаете. А сейчас этот праздник превращается в день поэзии. И т.д. Спрашивается: какой ритуал правильный для праздника? Все! То есть всё во времени развивается. Теперешний праздник — тот же самый, что и две тысячи лет назад. Только изменяется всё и трактуется по-другому.

А. В. Черных: Когда один человек занимается искусством или исполнительством, это понятно. А если в деревне только ленивый не занимается, например, резьбой по камню — там сотни мастеров, возникает вопрос: кого заносить в список?

Лю Куйли: Эти носители по-другому называются. Не просто носители, а представители носителей того или иного ремесла, то есть самые лучшие. Самый лучший мастер будет занесен в список. Но этот список не замкнут, кто-то еще тоже может попасть в него.

О. А. Пашина: Вот в таких промыслах, о которых Александр Васильевич говорит, может существовать специализация на разных этапах производства. Когда, к примеру, один грунтует доску, второй, например, покрывает ее лаком. И тут уже, понимаете, они все задействованы на разных этапах и специализируются на определенных технологических процессах. И ни одного из них нельзя из этого процесса вынуть. Например, жостовские подносы: сам поднос делает кузнец, а расписывает другой человек. А жостовский поднос существует как явление только в совокупности, он существует как технология, на основе которой работает масса мастеров.

В. Л. Кляус: Уважаемые коллеги! Давайте предоставим слово Михаилу Евгеньевичу Кабицкому.

М. Е. Кабицкий: В своем докладе я хочу акцентировать внимание на моментах, связанных с охраной традиций в Западной Европе, точнее — в странах Южной Европы. Конечно, очевидно, что нематериальное культурное наследие как концепт вырастает из того, что называется просто всемирным культурным наследием, а оно в своей основе является материальным, и, наверное, с этим

связаны многие плюсы и минусы. Имеет смысл осознавать эту разницу между материальным и нематериальным наследиями и более четко ставить вопрос: насколько нематериальное принципиально отличается? Некоторые вытекающие из этого моменты я попытался для себя отметить.

Первый — это то, что я бы назвал сингулярностью нематериального культурного наследия. Когда мы говорим, что есть такой памятник, например Кремль и ансамбль Красной площади, то мы знаем, что он один, где он находится и что второго такого нет. Но если речь идет о ежегодном празднике, то, естественно, он воспроизводится каждый год и каждый раз с какими-то трансформациями, как-то по-другому. И здесь трудно в том же ключе говорить о неизменности, самоощущенности, «подлинности», как это происходит применительно к объектам материального наследия.

Второй момент, который, конечно, вытекает из первого, — это роль коллективов как носителей. Даже о материальном культурном наследии мы говорим, что это — наследие *человечества*, но структурированное как наследие конкретных *народов*. Тем не менее все-таки связь не такая прямая. Вот есть памятник — а люди приложатся. В случае нематериального наследия коллектив как носитель, конечно, обязателен, и такая трактовка, между прочим, в Конвенции ЮНЕСКО четко прослеживается, и в национальных документах и законодательствах на роли коллективов, групп, сообществ тоже делается акцент. Мне недавно встретилось высказывание, что общество для нематериального культурного наследия вообще чуть ли ни самое главное, в том числе при формировании заявки и ее продвижении. Но мне кажется, что это слишком оптимистичный взгляд, — мы сегодня слышим примеры, когда заявка утверждается, а потом люди с удивлением узнают, что они носители этого объекта нематериального наследия, они об этом не знали. Этот вопрос о роли сообщества и носителей, конечно, очень важен.

Следующий момент. Очень многие страны мира включились в работу в рамках Конвенции, ратифицировали ее, но есть страны, которые при этом почти не имеют или совсем не имеют объектов нематериального культурного наследия, а есть страны, у которых таких объектов очень много. Грубо говоря, можно разделить страны на

«фольклорные» и «нефольклорные». В Европе практически не выдвигают свои объекты северные страны. Не то, что у них действительно нет богатства в области нематериального достояния, но почему-то они не формулируют его в виде заявок. А вот страны Южной Европы представлены в списке ЮНЕСКО достаточно хорошо. Понятно, что лидерами в мировом масштабе являются крупные государства Азии — Китай, Корея, Япония, — но страны Южной Европы тоже на хорошем уровне, по количеству объектов нематериального наследия они находятся примерно наравне с Индией. Но при этом, если взять, например, Испанию, то подавляющее большинство объектов этой страны на самом деле относятся к небольшому числу регионов, где проживает население, говорящее на каталонском языке, то есть это такая этноязыковая общность, в каком-то смысле. И у меня в связи с этим возникла такая гипотеза: может быть, это определенный дискурс о своей идентичности или определенный инструмент отстаивания своей коллективной идентичности, который не все одинаково используют. Одни народы говорят языком нематериального культурного наследия, другие говорят какими-то другими средствами.

Еще один вопрос: кто должен заниматься темой изучения, выявления (в меньшей степени я говорю про сохранение) нематериального культурного наследия? К примеру, в Италии основной ведущей организацией по выявлению, изучению и другим научным экспертным работам, связанным с ним, является Центральный институт демоэтноантропологии. В его названии нет слова «наследие», но именно работа с нематериальным культурным наследием — его основная функция. На самом деле, это музей так называемых народных традиций, или этнофольклористики. Он находится в Риме, там как раз рядом расположены два этнографических музея: один — имени Луиджи Пигорини, посвящен культуре народов мира, другой — собственно Италии. Второй из них всегда занимался этнографическими исследованиями, и новый институт сложился на его базе.

В 2013 г. ЮНЕСКО по заявке Италии включило в Репрезентативный список так называемые «большие носимые на плечах конструкции в процессиях» (ит. *grandi macchine a spalla*). Это своеобразное явление традиционной обрядово-праздничной культуры, материальным воплощением которого

служат крупные конструкции, носимые в процессии во время религиозного праздника. Иногда это просто огромные, многотонные сооружения, и их переноска в религиозной процессии рассматривается как акт набожности, своеобразный религиозный подвиг. В 2012 г., накануне подачи заявки, я как раз был в Риме в Институте демоэтноантропологии и видел, какую там проводят большую работу по популяризации этого явления. Конечно, представители местных общин в тех четырех населенных пунктах, где эти традиции были зафиксированы, о них знают. Это общегородские мероприятия, и даже если ты лично не являешься *носителем* традиции — грузчиком в буквальном переводе, — тем не менее осознаешь, что это отражение твоей идентичности. Но в других частях Италии люди могли об этом ничего не знать. У итальянцев в принципе есть такой момент болезненный: они часто говорят: мы больше представители того или иного региона, а итальянцы — это некая недавняя и еще рыхлая идея. Вот как раз в этом направлении и работал институт: проводилась кампания по информированию населения, чтобы это явление начали воспринимать как общеитальянское наследие.

В заявку вошла традиция, связанная с «Машиной Святой Розы» из города Витербо (Лацио). Существенный момент, что в этот объект была включена не только сама организация праздника и ношение конструкции, но и сообщество носильщиков, сообщество тех, кто организует праздник, и изготовители. Второй вошедшей в заявку традицией стала процессия с «Варией», гигантской конструкцией из города Пальми (Калабрия), на которой в качестве фигур святых выступают живые люди. Соответственно в заявке описывалось несколько этапов праздника, в том числе выбор кандидатов на то, чтобы представлять святых. Третья часть заявки — «Джилъи» из города Нола (Кампания). Это традиция переноски не одной большой конструкции, а нескольких. Они изготавливаются несколькими корпорациями, изначально ремесленными или торговыми, которые конкурируют и, разумеется, сотрудничают между собой. И четвертая традиция, вошедшая в заявку, — «Фарадда-деи-Кандарери» из города Сассари на Сардинии. Она похожа на традицию «Джилъи», но если в Кампании конкурируют четыре корпорации, то на Сардинии — целых 12.

Любопытно, что, когда Италия только готовила эту заявку и информационная кампания еще не была проведена, из подобных праздников итальянцы лучше всего знали «Чери» из города Губбио (Умбрия). Если бы их спросили в тот момент, слышали ли они о таких больших конструкциях, которые носят в процессии, они бы сказали: это «Чери» в Губбио. И жители Губбио были, видимо, настолько уверены в своем успехе, что подали заявку отдельно от всех остальных. В итоге коллективная заявка победила, а Губбио остался в стороне, его заявка успеха не имела. Можно сказать, с одной стороны, что это нерепрезентативно и неправильно, что самый яркий пример не попал в список, но, с другой стороны, тут есть определенная стратегия патримониализации. Так можно делать, и получается такой успех. Правда, я хочу сделать оговорку. На мой взгляд, сейчас еще сама концепция нематериального культурного наследия — явление очень новое. Да, список, наверное, когда-нибудь станет для нас ориентиром того, что является самым ярким и самым интересным, но сейчас в нем еще слишком мало объектов, чтобы об этом говорить.

О. А. Пашина: В Италии, насколько я понимаю, в каждом маленьком городке, если вы пойдете в любой храм в определенные праздники, то там увидите гигантские платформы, на которых стоят какие-то композиции со святыми, иногда это просто Божьи Матери. И в каждом городе на какой-то престольный или важный для этого города праздник они все точно так же собираются, выносят эту платформу, украшая ее цветами и еще чем-то. То есть эта традиция вообще достаточно распространенная. И потом — это тоже хорошо известно — Италия действительно очень поздно начала объединяться, процесс был связан с колоссальными социальными передерягами. Она состоит из этнокультурных или субэтнокультурных зон, которые очень сильно отличаются друг от друга. Поэтому вопрос в этом и заключается: на что мы обращаем внимание — на какие-то культурные различия, которые для нас существенны, или на что-то другое? Конвенция направлена на сохранение культурного многообразия, в ней это заявлено совершенно четко. Но вот когда начинаются такие вещи, то как раз это ведет к некоторому нивелированию локальных традиций и к своего рода, простите за выражение, глобализации внутри Италии.

М. Е. Кабицкий: Вы совершенно правильно говорите, что объекты, вошедшие в список, связаны с широко распространенной традицией ношения статуй святых на специальных помостах. В качестве примера можно привести и испанскую традицию Святой недели. Но здесь в качестве критерия выбрано то, что это не просто статуи святых с помостами, а некие специальные, особые сооружения, как правило, очень крупные. И я согласен с тем, что отбор в данном случае был во многом условный. Есть условность в сущностном, содержательном характере этих традиций. И когда принимается решение по конкретному объекту, это не значит, что нет других достойных, может быть, они просто не были поданы в качестве заявки в данный момент. С заявкой ведь работают люди. Она подается от властей Италии через Центральный институт демоэтноантропологии. Институт непосредственно взаимодействует с Министерством культурного достояния и туризма (в свое время было преобразовано из Министерства культуры), и министерство ему доверяет это.

В. Е. Добровольская: Понятно, что специалистов по всем регионам Италии в этом институте просто быть не может. Теперь представим себе ситуацию, которая могла бы быть в нашей стране. Есть люди, которые занимаются, допустим, русскими в Сибири, Уралом и Поволжьем. А Белгородом, например, и югом России никто не занимается. Спорить не надо, объекты каких территорий будут включаться в список.

М. В. Русанова: Нет! Вот при организации работы в Китае, о которой нам рассказывал уважаемый профессор Лю Куйли и которую мы также пытаемся выстраивать у нас, каждая территория заинтересована в том, чтобы подавать свои объекты. Есть там человек, который занимается конкретным объектом, или его нет — неважно. Если захотят подать, то найдут такого человека, который будет этим заниматься. Это как раз польза нашего и, как видим, китайского опыта.

М. Е. Кабицкий: В Италии заявка от страны формулируется на центральном уровне. Но есть и промежуточные этапы, местные власти также могут в этом участвовать. Кроме того, специалисты (их довольно много) присутствуют на разных уровнях и в разных структурах. Так или иначе они образуют определенную сеть. Они с этим институтом находятся в контакте. Разумеется, никакой регион не должен потеряться. По факту, мне

кажется, это свидетельствует о том, что они не теряются. Тем более что там не 80 с лишним регионов, как у нас, а всего лишь 20.

Приведу еще пример с португальским *фаду*. Здесь ситуация немного другая, потому что португальское *фаду* (оно же лиссабонское) довольно ограничено вокально и субкультурно. И это вызвало споры на уровне страны, когда оно было предложено и даже когда уже было включено в список ЮНЕСКО. Более того, некоторые крупные представители *фаду*, фадисты, сами выступали против. По разным причинам они считали, что это неадекватно. Некоторые спорные моменты были связаны с примерами. Ведь когда заявку представляют, необходимо дать какие-то образцы. И кто-то говорил, что вот тот или иной — это недостаточно яркий представитель, которого надо поставить в качестве образца. Но были и более концептуальные возражения о том, что *фаду* — это слишком узкое явление и надо было подавать всю португальскую народную музыку. Я считаю, что это такое отсутствие дистанции, которое не позволяет увидеть явление целиком. Вся народная музыка Португалии не имеет шансов попасть в список ЮНЕСКО.

В. Л. Кляус: Это похоже на мое восприятие включения семейских в список. Когда это произошло в 2001 г., я воспринял это негативно, считая неправильным решением. Во-первых, я понимал, что это создаст определенные проблемы для самой традиции. А во-вторых, я знал, что на территории России масса других объектов, которые могут даже лучше представить традиционную культуру страны.

М. Е. Кабицкий: В связи с *фаду* я бы хотел сделать одно маленькое замечание. Существует такая точка зрения (западные авторы об этом говорят): европейскую культуру представляют всякие фольклорные феномены, то есть то, что является народной культурой, даже низкой культурой, а вот на Востоке якобы это не так.

А ведь японский театр *но* или китайская опера *куньцюй* — это явления высокой культуры, но традиционной при этом. Португальское *фаду*, конечно, это традиция, которая рождается из простонародья, из самых низов, хотя и городских. Но потом она поднимается в элитные круги и становится такой традицией, которая уже относится к высокой музыкальной культуре. Похоже с «Машинной Святой Розы»: ее делают архитекторы

с именем. Еще один пример — так называемая «Песня Сивиллы», своеобразная литургическая музыкальная драма, которая обычно исполняется в сочельник в ряде районов Испании: на Майорке, на Балеарских островах. Это григорианские напевы, которые выстроены в драматическое представление. Явление, относящиеся к высокой культуре. Это прямо показывает, что и на Востоке, и на Западе есть примеры объектов из списка, которые относятся к высокой культуре. Кстати, «Песня Сивиллы» бытует и на Сардинии, в городе Альгеро, то есть в Италии. Но поскольку заявка была подана от Испании, то сейчас такое двойственное положение у Альгеро на Сардинии: явление-то то же самое, и название то же самое, но относится ли оно к этому объекту? Неясно.

В. Л. Кляус: Мы имеем очень похожую ситуацию с Китаем. Когда Китай выдвинул в качестве объекта эпос «Манас» и ЮНЕСКО его приняла, то в Киргизии начались волнения по этому поводу: каким образом данный эпос можно подавать от имени Китая, когда есть целая страна, Киргизия, в которой титульная нация считает его своим? И та же ситуация с монгольским горловым пением, которое тоже было подано от Китая. И в Монголии тоже по этому поводу сильно возмущались, притом что в автономном районе Внутренняя Монголия КНР монголов чуть ли не в три раза больше, чем во Внешней... По поводу монгольского горлового пения к консенсусу пришли, и оно сейчас представляет и Монголию, и Китай. А вот с «Манасом» ситуация еще остается неразрешенной.

Е. А. Дорохова: По поводу «Манаса» я еще больше скажу. Был грандиозный скандал, когда в Тамбове заседала комиссия по культуре Межпарламентской ассамблеи стран СНГ. Обсуждался модельный закон, в том числе и по нематериальному культурному наследию. И по поводу «Манаса» выступили азербайджанцы — он у них тоже есть. Выступающий азербайджанский депутат спрашивала, почему в этом модельном законе нет статьи про плагиат. Потому что «Манас» киргизы якобы присвоили себе! Пришлось этой даме объяснять, что вообще-то в фольклоре нет авторства и памятники устного народного творчества под авторское право не подпадают. И на самом деле, «Манас» азербайджанский — это совсем не то же самое, что «Манас» киргизский, несмотря на то что они называются одним и тем же словом, это совершенно разные тексты.

Лю Куйли: Я приведу другой пример. Корейцы подали заявку с майским праздником, о котором я говорил. Все китайцы так разволновались, прямо в гнев впали. Даже в газетах написали: «Жизнью защитим наш праздник». Я долгое время молчал, потом через год у меня взяли интервью. И я говорю: в этом ничего плохого нет. Во-первых, они празднуют не так, как мы. Во-вторых, они признают, что когда-то переняли праздник из Китая, но переделали его, и поэтому это уже не тот праздник. А если бы действительно это был тот же самый праздник, ничего плохого в этом тоже нет. Потому что китайская традиция — это сейчас как общечеловеческая традиция. Смотреть нужно с хорошей стороны. После этого интервью я слышал такие слова: дайте ему веревку, чтобы он повесился, он получает зарплату из наших налогов и при этом предатель!

М. Е. Кабицкий: В дополнение к тому, что сейчас было сказано, могу привести фразу португальского антрополога Жуана Леала, который сейчас активно занимается темой нематериального наследия. Он говорит: с одной стороны, прекрасно, что устанавливается связь между объектом и коллективом носителей. Но с другой стороны, опасно, когда она становится эксклюзивной. Начинается приватизация этого объекта, подход «один народ — одна традиция», и наоборот. И в связи с этим приведу еще один пример объекта — средиземноморская кухня. Он вошел в список сразу от нескольких стран Европы и Северной Африки. Это иллюстрация того, что международные заявки создают пространство более дружеских взаимоотношений.

О. А. Пашина: Такое складывается впечатление, что вообще весь этот список и вся эта ЮНЕСКО со своей конвенцией, кроме зла вселенского, ничего не приносит. Потому что в этих механизмах заложено что-то абсолютно неправильное.

М. В. Русанова: Ольга Алексеевна права, у ЮНЕСКО были свои задачи, она хотела создать именно Репрезентативный список, тут затрагивались и вопросы туризма, и престижа стран, и красочность — много сопутствующих задач. Положительное в списке ЮНЕСКО то, что он данную проблему поднял, привлек к ней внимание. Но цели, которые ставит перед собой ЮНЕСКО и каждая страна, могут отличаться. Вот я слушаю нашу дискуссию. Мне кажется, что направление развития в России ничуть

не хуже, а может быть, даже лучше, чем в некоторых зарубежных странах. Потому что у нас всё это гораздо сложнее. Тут две разные страны, видите ли, не поделили какой-то праздник или объект. А у нас, извините, 193 народа, и если мы начнем так себя вести, то просто создадим массу неприятностей внутри страны. У нас, например, Сабантуй — он есть и в Башкирии, и в Татарстане, по всей Сибири много татар, у них тоже есть Сабантуй. Поэтому нам нужно очень аккуратно работать в этом направлении, подходить с государственной точки зрения, и тогда мы найдем понимание у всех участников этого процесса.

В. Л. Кляус: На самом-то деле объекты могут быть поделены еще на две категории: просто объекты, которые существуют, — мы ставим галочку, что они есть, — и объекты, которые требуют обязательных процедур по сохранению, которые уходят. Если говорить о Китае, я знаю, что на Хайнане есть искусство ткачества народа ли. Когда я был на Хайнане — нас провезли по нескольким поселкам, — то видел, в каждом обязательно есть огромная мастерская, в которой работает довольно много женщин, они сидят и ткут. Я спрашиваю: а что здесь сохранять-то? А мне отвечают: посмотри на возраст: средний и старший, молодежь отказывается перенимать, учиться, потому что очень кропотливый труд. При том, что ткачество у ли всё еще массовое явление, но без учеников, без организации каких-то особых процедур, для того чтобы его сохранить, оно на наших глазах может стать памятником.

М. В. Русанова: Профессор Лю Куйли и говорил о том, что традиции надо разделить: есть традиции, которые мы фиксируем, но они уже не живут, и есть традиции, которые существуют и действительно нуждаются в помощи. Если что-то уже не существует, причем не один год, а уже двадцать, тридцать, а то и пятьдесят лет, то что я должна поддерживать в нем, в этом объекте? Мне там поддерживать нечего, мне надо поддерживать то, что еще живо, и то, что я еще в состоянии поддержать. Поэтому вы совершенно правы: может и не быть молодежи, может и не быть следующего поколения, и не всегда даже финансовая поддержка или организационная может решить эту проблему.

А. В. Черных: Для объектов нематериального культурного наследия иногда бывает сложно определить границы: это живое, это неживое. Вот, к примеру, моления

удмуртов. Не молились они семьдесят лет, им запрещали, в 90-е годы прошлого века снова начали! Как определить: мы должны это поддерживать или оно умерло, вторичная форма? Моления, жертвоприношения... Вот как их оценивать? Там ведь произошла интереснейшая контаминация архаики и колхозной социальной практики!

М. В. Русанова: Вот тут, помимо целей и задач людей культуры и науки, нужно учитывать и задачи государственные: правильно ли какой-то объект поддерживать или неправильно!

Е. А. Дорохова: Когда мы к этому приступали, мы много говорили на эту тему и решили для себя, что если народ что-то сохранял на протяжении долгого времени, это уже является безусловной ценностью. Потому что как может один человек, какой-то начальник, противопоставлять себя тому, что целый народ сохранял на протяжении веков!

В. Е. Добровольская: Но ведь мы говорим о государственном каталоге, поэтому определенное регулирование должно быть. В конце концов, государство дает на это деньги, а мы эти деньги берем. Деньги не берем — можем не придерживаться принципов, которые выдвигает государство. А с другой стороны, есть объекты, которые мы можем хранить в архиве, там существует другая система.

В. Л. Кляус: Уважаемые коллеги! Наш круглый стол работает уже больше часа. Тот опыт по работе с нематериальным культурным наследием, который сегодня был представлен на нем — в Китае, Италии, Португалии, — чрезвычайно интересен. В общем пространстве общения с профессором Лю Куйли и Михаилом Евгеньевичем Кабицким наш разговор приобрел особые черты: мы можем сравнить, что делается у нас, что — за рубежом. Конечно, в каких-то вещах в России мы идем параллельно с зарубежными коллегами, где-то мы расходимся. Но в любом случае везде перед государством стоят одни и те же задачи: сохранение культуры, той культуры, которая является знаком страны, знаком общества, знаком идентичности народа. И мы обязательно еще вернемся к этой теме. Огромное вам спасибо! Думаю, выражу общее мнение, что разговор сегодня был чрезвычайно полезен.

Подготовила Н. К. Бронникова